

Алексей Дунев
Александр Мартусевич

Пусть все будут счастливы

Алексей Дунев

**Пусть все будут счастливы.
Рассказы о поиске счастья**

«Издательские решения»

Дунев А.

Пусть все будут счастливы. Рассказы о поиске счастья /
А. Дунев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502054-3

В погоне за птицей счастья человек обретает или теряет себя. Пятнадцать жизненных маршрутов в поисках судьбы позволят читателю взглянуть на собственную жизнь со стороны и стать участником чужих приключений. Сборник рассказов «Пусть все будут счастливы» — это эксперимент соавторства. Тексты представляют истории, заставляющие задуматься над выбором в жизни человека.

ISBN 978-5-00-502054-3

© Дунев А.
© Издательские решения

Содержание

Кудрявцев В. И.	6
ДЕЛА НЕ ИМЕЮ	7
ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ	13
ТРИ ГОЛОСА	17
НЕКРОЛОГ	22
СОАВТОР	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пусть все будут счастливы Рассказы о поиске счастья

Алексей Дунев
Александр Мартусевич

Иллюстрации и обложка Наталья Мартусевич

© Алексей Дунев, 2019

© Александр Мартусевич, 2019

ISBN 978-5-0050-2054-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кудрявцев В. И. В поисках счастья *Вместо предисловия*

Соавторство в писательстве – вещь редкая. Более того, уже по определению, предполагает интригу.

В самом деле: что или кто понуждает двух (или более) людей, различных по темпераменту, убеждениям, суждениям, взглядам, самости и прочее усаживаться за письменный стол, дабы сообща сотворить нечто единое, цельное и, скажем так, «жизнеспособное»? При этом соавторы могут спорить, ссориться, расходиться, не соглашаться, таить обиду. Словом, во имя чего такая головная боль двум разным человекам, двум разным писателям?

Как случается, что два литератора начинают работать вместе?

Ну ладно. Допустим, что все эти братья Стругацкие, братья Вайнеры, братья Тур, братья Гримм, братья Таро, братья Гонкур, наконец, сочиняли вместе по настоянию родственности душ, единокровия.

Но в нашем случае, чужие друг другу, как Ильф и Петров, авторы в один прекрасный момент встречаются и рождаются... соавторы.

«Каждый человек живёт в поисках счастья, но жизнь выкидывает каждый раз коленца. И все, кто умеет мечтать, обязательно будут счастливы. Главное – правильно загадать желание», – резюмируют своё совместное литературное детище Алексей Дунев и Александр Мартусевич и предлагают нам пятнадцать рассказов о поиске счастья. Рассказов, написанных смачно, уверенно, захватывающе, толково.

Вот ведь как – никто не знает точно, что такое счастье, из чего оно состоит, но все непременно хотят быть счастливыми.

Что значит быть счастливым? Для одного – это деньги, для другого – власть, для третьего – удовольствие, для четвёртого – чувство удовлетворения жизнью, для пятого – любовь, как таковая, для шестого – любовь близких. Словом, понятие счастья для каждого человека сугубо индивидуально.

Алексей Дунев и Александр Мартусевич повествуют нам о пятнадцати дорогах или методах в поиске счастья.

Героиня рассказа «Абсолютная справедливость» представляет счастье как абсолютную справедливость и «работает» на эту абсолютную справедливость, старается следовать высоким нравственным законам, – чтобы быть счастливой. Но... промчится рядом машина, окатит из лужи подол плаща и...

...И всё!

Персонаж повествования «Дела не имею», как и героиня рассказа «Контрабанда счастья»... впрочем, предоставим читателю самому проследовать по маршрутам поиска счастья, так профессионально очерченным Алексеем Дуневым и Александром Мартусевичем.

Но добавим при этом: трудно выделить какой-либо из рассказов по силе его воздействия на читателя. Все четырнадцать не оставляют равнодушными; все четырнадцать заставляют задуматься, сопереживать, сопоставлять.

И не это ли и есть счастье для пишущих, когда написанное ими будоражит мысли, чувства и души читателей?

И хотя нельзя не согласиться со словами Ивана Сергеевича Тургенева, что *у счастья нет завтрашнего дня, нет и вчерашнего, оно не помнит прошедшего, не думает о будущем, у него есть только настоящее – и то не день, а мгновение*, хочется, вслед за героем одного из рассказов соавторов, пожелать читателям: «Пусть все будут счастливы!»

ДЕЛА НЕ ИМЕЮ

Отмечая Новый 1894 год, он терзался сомнениями, какое желание загадать: жениться или поступить в Академию? Пока били часы в офицерском собрании, так и не сделал выбор. Вышло всё скверно. Не сдержался, дал в морду нахалу. А потом покатило-поехало всё под горку. В Академию не приняли, из армии попросили. Не имея постоянного дохода и собственного дома, вынужден был отложить женитьбу и уехать в поисках работы и пристанища. Расставание состояло из слёз и клятв.

Июнь

Отставного поручика злил ветер с Ладоги, который принёс в столицу похолодание, мелкий дождь, сочащийся из облаков, большие и маленькие лужи, заполнившие вмятины мостовой у вокзала. Извозчики грозно окрикивали прохожих, подгоняя свои экипажи к центральному входу.

В вагоне было душно. Пассажир снял фуражку, поправил идеальный узел галстука, осмотрел костюм, с раздражением смахнул грязь, прилипшую к непривычным для бывшего офицера штиблетам, и огляделся. Мужичок-лапотник, в надвинутом на глаза картузе, дремал. От него разило луком и перегаром. Поручик отвернулся, так как с детства остро чувствовал запахи. В юные годы это помогало делить людей на плохих и хороших. А потом стало просто способом понимать окружающих. От честных пахло жёсткой и горьковатой полыньёю и ещё немного бодрящим цитрусом. Лжецы пованивали прелой сыростью и кислой капустой.

Напротив расположился молодой, ёрзавший на месте темноволосый господин, мывший в руках газету армянской общины в Петербурге, рядом с ним сидела скромно одетая девушка, от которой исходило благоухание розовой воды.

Тем временем поезд тронулся, лязгнув сцепками. На отъезжающем от Царскосельского вокзала перроне остались назойливые лоточники, какие-то студенты, бесцветные попрошайки и прочий люд. Всё это уносилось из жизни поручика вместе со столичным блеском и пошлым смрадом петербургского быта. Мерный стук колёс навевал дрему.

Вертлявый темноволосый пассажир вдруг оживился:

– Благородие путешествует третьим классом?.. Никак в карты проигравшись?

Офицер смерил его взглядом:

– Нет. Другие обстоятельства.

И закрыл глаза, показывая, что разговор окончен.

В самом деле, не объяснять же невежливому собеседнику, что в летний сезон в вагоны первого и второго классов попросту нет билетов. Все едут на юг.

...Проснулся поручик от шума. Вертлявый субчик приставал к девушке. Та закрывалась ридикулем и испуганно жалась к окну. Мужичок в армяке скалил жёлтые зубы, ожидая развязки.

– Прекратите! – спокойно, но чётко отреагировал поручик.

– Ты што, мене началнык?

За несколько лет учёбы, а потом службы Александр привык принимать решения молниеносно. Взятому за шиворот субъекту было предложено проследовать в тамбур или успокоиться прямо здесь.

– Што ты, што ты, я пашутил, – заверещал несостоявшийся ловелас. Он сел, нервно оправился, но тут же вскочил, пробурчал «горстчунэм»¹ и пошёл по вагону искать себе другое место. Крестьянин перестал скалиться и принял скупающий вид. А девушка вымолвила:

¹ Горстчунэм – *Дела не имею...* (армянский).

- Спасибо.
- Не за что. Кстати, разрешите представиться – Александр.
- А по батюшке?
- Вообще-то Иванович, но это не обязательно, мне всего двадцать четыре.
- Тогда я Зинаида.

Голос девушки ещё дрожал. Её нельзя было назвать писаной красавицей, но большие серые глаза и чувственные губы притягивали взгляд...

Молодые люди разговорились. Александр узнал, что его попутчица недавно окончила женские педагогические курсы и собралась было поступать в консерваторию. Но скоропостижная смерть отца оставила их с матерью без средств, поэтому-то она и ответила на приглашение купца Каратышева из города Смышляева, куда теперь направлялась, чтобы работать в качестве гувернантки для его малолетней дочери.

Во время стоянки в Оредеже Александр купил у лоточника лимонаду – Зинаиде, а заодно себе, чтобы не смущать.

- Вы очень любезны, – девушка поблагодарила и опустила глаза.

Вот и поручик рассказал о себе. Мол, до недавнего времени служил, но сейчас вышел в отставку и направляется в Киев, где ему обещали место. Будет помощником инженера.

– А пока никакого дела не имею. Но очень надеюсь найти это настоящее дело по душе, – Александр вздохнул, и стало понятно, что эти мысли одолевают и печалят его.

– Семья у меня родовитая, но, как и у Вас, наследства не имеется. Источников дохода – тоже, – усмехнулся Александр.

Горечь расставания и обида на произошедшую несправедливость ещё терзали раненое сердце, потому-то и умолчал, что обручён и невеста его осталась в Петербурге. Но время и меняющийся за окном пейзаж уже примиряли с необходимостью жить дальше.

Зина смотрела на попутчика широко раскрытыми глазами, ловила каждое его слово.

Сила, благородство, решительность, выправка и стать, открытое лицо с правильными чертами – всё это вызывало новые необъяснимые чувства, похожие на экзаменационные судороги с непрямым счастливым волнением и подкатывающимися слезами. Бывает, всё знаешь, но перед строгим взглядом профессора и робеешь, и теряешься. По глазам, полунаклону голов, движениям рук – было видно, что увлечённо беседующие симпатизируют друг другу...

В Смышляеве Зинаида сошла. Поручик помог вынести из вагона саквояж и коробку со шляпками.

Поцеловав руку на прощание, коротко произнёс:

- Может, ещё свидимся...
- Если Бог даст...

Июль

Середина лета в Смышляеве – это зной и пыль. Ребятня не отходит далеко от речки, рабочий люд за день выпивает по десятку ковшей кваса, а старики прячутся в тень, лениво отмахиваясь от вездесущих мух. Полевые лягушки прекращают свои концерты, а трава на подворьях выгорает до желтизны...

Зинаида уже подходила к дому. В тени, под каштаном, стоял он. Тот самый поручик из поезда. Осмотревшись по сторонам, девушка перешла улицу.

- Вы? Здесь? Но как?

Александр был в сером твидовом костюме, он щёлкнул каблуками начищенных штиблет и отвесил короткий «офицерский» поклон.

- Честь имею. Можно отвечать по порядку? Я. Здесь. Вы забыли вот это.

В руках у него оказался деревянный гребень для волос.

– Ой. И правда. Я его искала. Была уверена, что оставила в Петербурге... но Вы же... должны быть сейчас в Киеве.

– Был. Но недолго. Наш трест принял заказ. В Смышляеве будет строиться новый мост. Я командирован для выяснения кое-каких формальностей.

Зинаида была взволнована. Её взгляд остановился на резном гребне, который она продолжала держать в руках.

– И надолго Вы?

– О! Вероятно, Вы не сталкивались с нашими российскими чиновниками. Решение пустякового вопроса может тянуться неделями!

– Как Вы меня нашли?

– Я остановился в меблированных комнатах Сердюкова. Там же мне подсказали, где находится дом промышленника Каратышева. Кстати, как Ваша... служба? – при этих словах бывший поручик сделал неопределённый жест рукой в сторону внушительного двухэтажного дома за высокой оградой.

– Всё хорошо. Павел Яковлевич чрезвычайно добр ко мне. А Настюша – просто прелесть. Очень способная девочка.

– Зинаида, послушайте. По пути сюда я имел счастье увидеть афишу. Некая столичная труппа привезла в Смышляев новую постановку. Позволите ли пригласить Вас на вечернее представление?

– Не знаю, удобно ли это, – девушка отвела взгляд.

– Вас не отпустит Ваш Павел... э...

– Яковлевич. Нет, он уехал на три дня в Воронеж, по делам. Я не знаю, как оставить Настюшу... можно мне подумать до вечера?

– В шесть часов я буду стоять на этом же месте, с билетами.

После спектакля Александр проводил Зинаиду домой и на прощание неожиданно поцеловал в губы. Безлунная ночь, как старая сводница, скрыла вспыхнувший на девичьем лице румянец.

Вечерами они встречались. Поначалу – в городском парке или в ресторациях. Но Александр был настойчив, и они провели вечер в его комнате. На ночь Зина всегда возвращалась в дом Каратышева.

Как и предполагал Александр Иванович, служебный вопрос его затянулся. Губернатор отдыхал на минеральных водах и не спешил возвращаться, а без его визы подрядчик не подписывал смету. «Деньги казённые, ответственность, знаете ли, весьма высока».

Холостяцкая келья Александра в гостинице (громко называвшейся *меблированными комнатами Сердюкова*) не отличалась от многих других не слишком дорогих номеров. Стол-бюро, стул, кровать, накрытая одеялом. У входа на вешалке дорожный сюртук и форменная фуражка. Ничего лишнего.

На столе с кругами от стаканов Зина заметила исписанные листки, один из них упал на пол. Девушка подняла его, и брови её взволнованными птичками поползли вверх.

– Вы пишете стихи?

– Пробую, – смутился Александр, забрал листок и вместе с остальными положил в бюро.

– Прочтёте? Я люблю литературу.

– Я могу подумать до вечера? – ответил он её собственными словами.

Они рассмеялись. Потом он читал свои стихи. Наизусть. Признался, что пробует себя в прозе. Но дело в том, что в его рутинной жизни недостаточно сюжетов. Вот Чехов... он много путешествовал, и как же хороши его рассказы!

– Чехов? – равнодушно отреагировала девушка. – Что-то слышала... Вы любите газетные фельетоны? Мне больше по душе Бальзак и де Сенанкур.

– Поверьте, – пылко парировал Александр, – в скором времени никто не вспомнит вашего Сенанкура, а Чехов станет мировой знаменитостью, как Достоевский и Толстой!

– Вы изволите шутить? – иронично усмехнулась Зинаида.

На следующий день Александр получил письмо от будущей невесты, в котором она писала, что соскучилась и хочет приехать к нему. Поручик метался по комнате, как зверь в клетке. «Я ничтожество. Что я делаю? Но я люблю Зину!» Поняв, что в эту ночь он не заснёт, Александр спустился в ресторацию и сел играть в карты. Но был крайне рассеян и проиграл всё, что имел. И ещё задолжал хозяину заведения сто пятьдесят рублей...

Август

Река пока хранила летнее тепло, но после Ильина дня ребятью в воде увидишь редко. Мужики в пропотевших насквозь косоворотках спешили убрать сено с покоса, опасливо поглядывая на ненадёжный небесный свод. Первые, самые робкие листки осины уже пожелтели от страха перед надвигающейся осенью, готовые в любой момент сорваться с насиженных мест.

– Зиночка, я должен признаться. Я не достоин тебя и... и твоего отношения ко мне.

– Милый, не волнуйся, что бы ни произошло, это не может изменить мои чувства к тебе. Присядь вот здесь, расскажи, что тебя так тревожит.

Разговор происходил в комнате Александра, куда девушка пришла в условленное время, но застала там совсем не того человека, которого знала. Александр Иванович не спал вторые сутки. Круги под глазами и дрожащие руки были тому свидетелями.

– Я не был честен с тобой, я... помолвлен, – поручик прислонился к стене и закрыл глаза.

Эти слова как будто хлестнули девушку по лицу, она приложила ладонь к щеке, но, быстро справившись с волнением, холодно перешла на Вы:

– И это всё, что Вы хотели мне сказать?

– Нет. Не всё. Я проигрался. И должен уехать.

– Я достану деньги, – девушка встала с кушетки и стремительно направилась к двери.

Поручик схватил её за плечи и обнял.

– Зиночка, что ты такое говоришь. Ты мне ничего не должна и ничем не обязана. Я искал встречи с тобой совсем не для того, чтобы что-то просить. Не унижай меня этим. Пойми, в жизни бывают такие обстоятельства... да что я говорю... не знаю, сможешь ли ты меня простить.

Зинаида высвободилась из его объятий и молча вышла из комнаты.

В тот же вечер она попросила деньги у Каратышева. Павел Яковлевич без лишних расспросов дал ей сто пятьдесят рублей ассигнациями. Он давно намекал Зиночке на желание близости, но, каждый раз получая категоричный отказ, отступал, не настаивая. Он любил её. И этой ночью она осталась в его спальне.

На следующий день прибывший в город губернатор, отдохнувший, находясь в благостном настроении, утвердил смету на строительство моста. Более Александра Ивановича ничего в Смышляеве не держало, и он известил о своём отъезде Зинаиду.

В той же полутёмной комнате, при слабом свете керосиновой лампы, поставленной под образом Святого угодника Николая, девушка умоляла:

– Саша, прошу, не уезжай.

– Зиночка, это невозможно. Моя будущая супруга подъезжает сейчас к Киеву, и я должен быть там же.

– Ты нужен мне! – девушка как будто не слышала его слов.

– Не мучай меня, Зина, пойми, я... я не люблю тебя!

В комнате повисла тишина, только где-то за стенкой пел свою песню сверчок, с улицы был слышен крик трактирщика и лай собак в подворотне.

– Вы спрашивали, прощу ли я Вас, – наконец произнесла Зина дрожащим голосом. – Я могла простить Вам всё, что угодно, но не эти слова.

Она подобрала подол платья и вышла из комнаты. Александр не сдвинулся с места. Он прислушивался к удаляющимся шагам девушки, пока эти звуки не слились с другим уличным шумом. Тогда он медленно, на негнущихся ногах, как инвалид, подошёл к бюро и, вынув ключ из кармана сюртука, открыл самый нижний ящик. В слабом свете керосиновой лампы блеснула воронёная сталь револьвера...

Сентябрь

Осень в Киев всегда приходит незаметно – ничто не омрачает безоблачных солнечных дней.

«Будто ещё один летний месяц. Его так всегда не хватает в жизни», – подумалось Александру. Он уже который день подряд засиживался допоздна в своей крохотной квартирке на Банковском.

Дворник Савелич, привычно обходя дом перед тем, как уйти в свою каморку спать, как-то столкнулся с поручиком у дверей и любопытствовал, что тот всё время пишет до глубокой ночи.

– Это отчёт, по службе, – рассеянно соврал Александр Иванович.

– Не жалеете себя, Вам бы надо больше отдыхать, – сочувственно проворчал сердобольный смотритель. – Вы же рано встаёте, я знаю...

– Ступай спать, Савелич, – благодушно ответил Александр, – не волнуйся за меня, на том свете отосплюсь.

На самом деле он писал роман. Поначалу ничего не выходило. Он рвал исписанные страницы, снова яростно писал, время от времени откидывая перо в сторону, закрывал глаза, вспоминая недавние события.

Его муку должна принять на себя пуля, смерть, небытие, вобрать в себя всё его малодушие, боязнь любить и быть любимым. Как пережить унижение, бесчестие, позор? Но он уже не офицер, а помощник инженера – личность мелкая и ничтожная. Никто и внимания не обратит на его исчезновение из этого огромного и прекрасного мира. Он должен жить, чтобы преобразить мир, сделать его лучше, чище и привлекательнее для потомков.

В ту ночь в Смышляеве он тоже долго не мог заснуть, сидя на кровати с револьвером в руках. Вспоминал детство, юность, военное училище, службу... смерть ничего не решит. Эта старуха очень ленива. Она не заплатит долг, не утешит мать и не принесёт пользы Отечеству. Всё это он должен сделать сам.

Утром он собрал и упаковал вещи, расплатился за комнату и поспешил на станцию. Надо было успеть на киевский поезд.

Через неделю к нему на службу явился поверенный, с бумагами:

– Это чертежи, по новому мосту.

– А, спасибо, извольте положить сюда.

Служащий не уходил, чуть замаявшись, он спросил:

– Вы же давеча в этот самый Смышляев ездили?

– Да, ездил, – буркнул Александр.

– А я Вам с документами местную газетку привёз. Подумал, вдруг Вам будет интересно, какие страсти в ихней уездной глуши случаются...

Текст газетной заметки Александр Иванович читал в одиночестве, потом перечитывал несколько раз, не веря своим глазам:

«Ужасная трагедия разыгралась вчера в нашем спокойном городе. Уважаемый всеми гражданин, купец Каратышев П.Я, намеревшись жениться на девице Зинаиде Н., которая работала у него гувернанткой, решил после церковного обряда продолжить празднество на реке.

Для этого в тот же вечер был арендован дебаркадер, на него приглашены гости и музыканты. В разгар веселья, уже в сумерках, невеста, видимо, оступившись, упала в воду. Поначалу этого не заметили, а когда опомнились, спасти уже не смогли. Соболезнования господину Каратышеву П. Я. принесли многие знатные персоны, а он в свою очередь объявил, что собирается продать всё имущество и уехать из города. По слухам – за границу.»

Александр дрожащими руками положил газету на стол и посмотрел в окно. Там, на улице, всё оставалось прежним. Приказчик что-то выговаривал бородатому кучеру, чумазый мальчишка лузгал семечки, а ветер с Днепра устало шевелил ветви старого каштана... за окном ничего не изменилось. Только у него, бывшего поручика, а ныне – помощника инженера, жизнь уже никогда не будет прежней...

Александр спустился по чёрной лестнице во двор, куда жильцы выносили мусор, и там сжёг всё написанное: стихи, путевые заметки... И начал писать роман. Он вкладывал в главного героя все свои страхи и терзания, а героиню безмерно идеализировал. Он видел весь сюжет в подробностях, а характеры персонажей знал наизусть. Но... роман не получался.

Он чувствовал, как умирает и рождается заново. С детства он готовился стать военным, офицером, защитником Отечества. Но что-то в жизни пошло не так, не так, как ему мнилось в мальчишеских снах о будущем. В грёзах он видел себя героем, полководцем, прославленным генералом. А в эти заполненные одиночеством вечера он понял, что может стать создателем миров, таких, какими он их придумает. То, о чём нельзя даже помыслить, выплёскивалось в повествование о сладости стыда, о муках сомнения, глупом тщеславии любовника. Все люди становились для него прототипами персонажей, которые любят, страдают и умирают. И всё это некоторая условность. Литература даёт человеку безграничную свободу, если только создатель берёт на себя ответственность за весь мир. И тебе уже до всего есть дело. Надо только писать честно, искренне. Но за этой правдой обязательно должна стоять мечта, вера в человека и большая любовь.

Одним ветреным воскресным утром, в самом конце сентября, он проснулся, выпил кружку воды, поднялся к себе в кабинет и принялся вычёркивать всё ненужное и второстепенное.

К концу дня получился рассказ. Александр отнёс его на почту.

– Барышня, будьте любезны... мне необходимо отправить данную рукопись в Петербург, в адрес журнала «Царскосельская Лира».

– Да, конечно, мы упакуем и отправим.

Когда бывший поручик выходил на улицу, служащая окликнула его:

– Вы забыли подписать бандероль.

Он вернулся, взял в руку перо и размашистым почерком вывел:

«Александр Куприн».

ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ

Рассказ-интервью

Забавный случай произошёл в одном из дачных посёлков нашей области. События, восстановленные нами буквально по крупицам, дают пищу для самых разных размышлений: от меркантильно-житейских рассуждений о вреде алкоголя до обобщённо-философских разглагольствований о круговороте добра и зла в мире.

Я дачный посёлок охраняю. Нет, не всю, конечно, жись, но что до этого было, уже смутно помню. Молодость была шальная. А теперь вот.

Прибегает ко мне Верка, продавщица наша. У нас тут один магазинчик, там и хлебушко, и пряники, и макароны – всё покупают. И если надо покрепче, тоже к Верке бегут. Вот такая вся раскрасневшаяся и с порогу:

– Михалыч, мне наша мелкотня местная (это она так ребятишек из нашего посёлка зовёт) стодолларовую купюру принесла, – запыхавшись, вываливает на меня подруга, – мороженое им подавай. Сопливые совсем, старшему десять исполнилось. А туда же, права качают: Товар – деньги – товар! Во с каким лозунгом на меня наскочили, когда их за нашими русскими деньгами к родителям отправила.

– Откуда у детворы Бенджамин Франклин? – спрашиваю.

– Ка-акой Джамин? – перебивает Верка.

– Ну, на американской банкноте президент ихний, старый – Бенджамин Франклин! – поясняю.

– Ну так бы сразу и спрашивал. Говорят, нашли. Слыхала, будто у них и ещё есть. Вот теперь детки-то какие!

Старож Михалыч говорит уверенно с растягом, как человек бывалый. Обо всём судит свысока. В его речи много разговорных и просторечных слов.

Вот ведь не поверишь, приехали с Коляном в Кедровку. Николай, он спокойный, сам знаешь, будто тормозной. Мы его так и зовём промеж собой *Слоули Даун*. Просишь его воды принести, он молчит. То ли не слышал, то ли не понял, то ли разговаривать не хочет. Одно слово – «Тормоз»! У Никиты в Кедровке чумовая баня, прямо на воде. Покачивается на волнах, а из парилки можно сразу в реку сигануть. По высшему классу всё сделано. Приехали мы, значит, с Коляном, у Никиты уже всё готово. Ну, мы сразу в баньку. Выпили, закусили, снова выпили. Проснулись, надо опохмелиться, а нечем. Никита спрашивает: «Деньги есть?» Я к Коле, мол, бабосы гони, он молчит. Я его по карманам, нашёл несколько сотенных, спрашиваю: «Я возьму на опохмел?» Он молчит, но молчание, как известно, знак сам знаешь, чего.

Пошли мы с Никитой до магазина, идём, болтаем. Оглянулся я, а Колька за нами тащится. Когда я маленький был, у бабушки кот жил. Так если его не закрыть, он обязательно за тобой увяжется. За бабушкой и в магазин, и в лес ходил. Такой прилипчивый. Вот и Коля тянется за нами. А я-то думал, он посидит, баньку и наши вещи поохраняет. Дошли мы, значит, до магазина, потрепались с весёлой продавщицей Веркой. С Никитой она, видать, накоротке, а я-то её в первый раз видел. Шустрая бабёнка, за словом в карман не полезет. Идём мы весёлые, предвкушаем новое застолье. Благо, мешать некому. Мы с Коляном жён в Турцию отдыхать отправили, а сами к Никите в баньку. Не нужен нам берег турецкий. Коля идёт за нами, улыбается чему-то своему. Вдруг у Никиты хохот будто отрезало. Вижу, накрыло его не по-детски, и лицо у него будто оплывает: не просто выражение меняется, а всё уходит куда-то вниз.

Смотрю на него, смотрю, куда он смотрит. И тут до меня доходит, бани-то нет. А там наши вещи, закусь опять же. Никита вдруг по карманам хлопать начал и говорит:

– И не позвонить даже, телефон в бане оставил...

Кому он звонить собрался, интересно. А Колька стоит, улыбается. Вот чё, спрашивается, разулыбался, смайлик неопохмелившийся. Если б не попёрся за нами... то нам бы сейчас и его вместе с баней пришлось искать.

Сели втроём на берегу, стали думать. Кудыть баня задевалась?

И тут подъезжает джип, выскакивают два мордоворота и один лысый шибзик и давай Никите руки крутить. Я на них, но меня быстро к травке фэйсом придавили, лежи и не дыши. Слышу, как Никиту бутузят и бабло нехилое требуют. А Колян как сидел на чурбачке, так и сидит, философски на это безобразие смотрит, чему быть, того не миновать.

Предприниматель Александр – любитель поговорить, ему нравится внимание слушателей. Он в меру ироничен и внимателен к деталям, пытается оценить состояние собеседников, понять, что происходит вокруг. Речь его, не лишённая образности, нестриг жаргонными словечками.

А чё он дразнится? Пусть сам и рассказывает! Я и говорю, пошли мы с пацанами купаться на речку. Кстати, мне уже десять исполнилось. А Гришка зовёт, пойдёмте, я место классное покажу. Мы и дёрнули. Добежали до отмели за мысом. Идёшь, идёшь, и всё по пояс. Надоело просто идти, стали брызгаться, дурачиться, вдруг вижу, около того берега дом. Я говорю Гришке, ты же рассказывал, что никто не живет, а тут дом. Он божится, что в прошлый раз не было. А прошлый раз позавчера был. Как же так быстро кто-то поселился? Решили сплавать, посмотреть. Приплыли, а заходить страшно. Ну, я пошел, будто попить попросить, а там никого. Залезли внутрь, а там не дом, а баня. Вещи чьи-то раскиданы.

Гришка под лавку залез и орёт:

– Сумка, сумка!

А Витька:

– Да не сумка это, борсетка. Моему бате такую на днюху подарили, он в ней документы носит. Давай посмотрим, чья баня, может, там паспорт хозяина лежит.

Открыли, видим – бумажки зелёные. Витька говорит:

– Это деньги, которые доллары называются.

В такой маленькой сумочке так много бумажек, что мы посчитать не смогли. Взяли одну бумажку с цифрой 100, и решили купить мороженого на всех. Подумали, что должно хватить. Остальные отдали Витькиному отцу, он конюшню строит. Ему надо.

Игорёк – мальчик десяти лет, признанный лидер среди сверстников. Старается выглядеть серьёзным и важным. Во время рассказа комично надувает щёки, а в случае затруднения выбора слов шумно выдыхает. Недоумевает, почему взрослые такие непонятливые, поэтому старается всё пояснить, как может.

Святое дело после трудового дня расслабиться, раскумариться. Охрану взял с собой, у них график нелимитированный, должны сопровождать. Сегодня выбрал самый простой вариант: поехать к Никите в баню. У него люкс, и душа там отдыхает. Главное, не надо ни с кем общаться, держать лицо, выдавливать из себя фразы: мы равномерно несём ответственность за социально-экономические условия, разделяя её со всеми государственными и общественно значимыми организациями и структурами, обеспечивающими стабильность жизни наших избирателей. Если бы знал, когда избирался, что придётся так часто выступать. Я ж вообще не представлял, чем эти депутаты занимаются. Раньше просто решал проблемы своей мебельной фирмы, отмазывался от налогов, крыши ментовской и бандитской, договаривался с поставщиками, выискивал, где подешевле купить, придумывал, как подороже продать. Вёл

свой почти честный бизнес, и тут судьба свела с Александром Григорьевичем. Он от председателя совхоза дорос до депутата ЗакСа. Когда понял, что в следующий созыв не пройдет, стал продвигать меня как представителя малого бизнеса, познакомил с нужными людьми, показал схемы, приносящие реальные деньги. С его подачи я и стал депутатом по одному из округов нашей области.

Теперь помогаю людям решать их проблемы. В тот самый день пришёл ко мне на приём один любитель лошадей... желающий на них же подзаработать. Решил построить конюшню в дачном поселке. Я сразу смекнул, что будет содержать личных питомцев богатых людей Петербурга. На балконе коня не поставишь, какие бы апартаменты ни приобрёл. А так можно любимца пристроить и навещать, когда пожелаешь. Понятно, дело прибыльное. А без моей визы такие ситуации не решаются. Вот и состоялась у нас встреча, после которой у меня осталась борсетка с хорошей прибавкой к депутатской зарплате.

В баню взял сумку с собой, не оставлять же в машине, ненадежно как-то. Стал раздеваться, сунул деньги под лавку. Время пролетело незаметно. Никитос и угостить, и развлечь умеет. А под конец всё Иркин звонок испортил. Она, видите ли, устала ждать меня с работы. Шлея ей под хвост попала. Пришлось живенько сворачиваться и гнать домой в Питер. И только дома хватился борсетки. Решил, что до утра никуда не денется, полежит в баньке, как в банке, – каламбур так понравился, что успокоил. Я же про неё никому не говорил.

Утром приезжаю со своими орлами – ни Никиты, ни бани, ни моих денег. А где его хата – даже не представляю. Я всегда прямо к бане приезжал. И на мобилу не отвечает. Я прямо озверел.

Ну, думаю, я ему фиксы выставлю, то есть все зубы повышибаю. Он от меня никуда не денется. Только я собрался подключать своих людей, как вижу, идёт Никита и с ним еще два каких-то фраера. Видать, бухнуть собрались на мои бабки.

Мои ребятки Никитоса подмяли и пару раз вдарили ему по батареям, я их предупредил, чтоб не сильно калечили. Один чудик попытался вмешаться, но его быстро положили поперёк дорожки. А третий полудурок сел в сторонку и сидит, в одну точку смотрит. Вижу, они не при делах. А тут который сидел в сторонке заговорил:

– А её волнами отнесло... – так словно в сторону сказал. Я и не воткнул сначала, кого отнесло. А потом посмотрел на берег и понял, что баня уплыла. Взбодрил я своих ребят, и мы погнали берега осматривать. Через некоторое время нашли мы это чудо-строение на отмели недалеко от берега. Вернулись к Никитосу, он уже поляну накрыл. У него, действительно, только поляна и осталась – баня уплыла. Вызвал я катер, чтобы баню буксировать. Пока катер подошёл, пока приплыли, наступил прилив, и мыльню эту опять сняло с отмели и прибило к берегу. Захожу. В бане всё на месте, только нет моей борсетки с деньгами.

Владимир Владимирович Карабасов – депутат одного из муниципальных районов Ленинградской области, человек волевой, чрезмерно уверенный в себе. Говорит покровительственно, с нажимом и чуть громче других. Речь пропитана криминальным жаргоном и приклатнёнными интонациями. Особый колорит придают канцеляризм и штампы делового стиля.

С детства лошадей люблю. А тут всё срослось. В Мурино конюшня сгорела, и мои знакомые, зная, что я на природе живу и Воронка у себя держу, ко мне заявили с деловым предложением. В общем, люди готовы были вложиться в стройку. А у нас тут поля, шикарный выпас. И траву сейчас никто не косит, хоть всё лето заготавливай. Сошлись потребности и возможности. Я уже почти все бумаги собрал, но не тут-то было. Оказалось, распределением земель ведаёт какой-то депутат местный, и без него никак вопрос не решить. Ну, записался я на приём. Раз пришёл, рассказал, он всё выслушал, записал, покивал в знак понимания. Второй пришёл – и опять результат тот же. А на третий он меня увидел, заулыбался, как старому знакомому.

На бумажке что-то черкнул и мне подает. Там десять написано и значок доллара. Я повертел в руках, а он листок свой забрал и руку мне протягивает:

– Ну, будем считать, что мы договорились. Жду Вас со всеми документами. Строительство конюшни – очень хорошее дело, выгодное.

Поднял указательный палец вверх, хитро улыбнулся и повернулся ко мне спиной.

Я домой пришёл как в тумане. Перед глазами десять и знак доллара. Когда я осознал, что этот пиджак хочет получить с меня десять тысяч зелёных, то чуть с ума не сошёл. Что делать? Друзья-лошадники торопят. Их скакуны практически на улице, а скоро осень. Я им обрисовал проблему, они сказали: *се ля ви, надо решать*.

Продав я машину, вторую половину требуемой суммы занял. Получилось несколько пачек с купюрами. В простой конверт не влезет. Не нести же деньги в пакете из супермаркета. Сложил я их в свою борсетку, которую мне друзья на день рождения подарили, и пошёл к депутату.

Он мне улыбается, руку жмёт, спрашивает, принёс ли я документы. А я киваю на борсетку. Он взял её и отвернулся. Пересчитывал, что ли?

Я постоял-постоял и ушёл. Иду, а кошки на душе скребутся. И почему-то жалче всего стало мне любимую борсетку. Ну, не собирался я её отдавать, мне же её друзья подарили. Сам себя убеждаю, что на эти деньги можно купить сотню таких, но всё равно жалко до слёз.

Разрешение мы получили и принялись строить, и так пол-года потеряли на получение визы. А на следующий день сын, Витька, принёс мою борсетку вместе с деньгами. Говорит, нашёл. А где? Молчит. Вот какие чудеса случаются. Есть справедливость в жизни!

Сергей Петрович Семёнов – любитель лошадей – говорит неохотно, волнуясь и вытирая со лба капли пота. На него эта история произвела сильнейшее впечатление, которое, конечно, не могло не отразиться на темпе речи владельца уже отстроенной конюшни. Повествовал он, словно оглядывался на перевернувшие его мировоззрение события.

История эта приключилась в одном из посёлков Ленинградской области, имена изменены, а любые совпадения случайны.

ТРИ ГОЛОСА

Блокадная баллада

Сегодня вытащили из сумки кошелек. Был он уже старенький, потёртый, заношенный. Давно собиралась купить новый. Там и денег-то было немного, чтобы из-за этого переживать и расстраиваться. Но в нём лежала мамина фотокарточка, которую всегда носила с собой. И сейчас такое чувство, как будто у маленького ребёнка отняли что-то очень дорогое. И хочется плакать от тоски, обиды и бессилия.

В моем сознании всё время звучит мамин голос. Я как будто постоянно веду с ней бесконечный разговор. Отчитываюсь, что произошло за день, советуюсь, как поступить, спорю, оправдывая себя и подбирая доводы для моих завиральных идей. Если раньше, когда мама была жива, от неё ещё можно было что-либо скрыть, то теперь... Мама живёт в моём сердце, и всё, что знаю я, известно и ей.

Иногда ловлю себя на том, что говорю, как мама, именно так, как сказала бы она. Подбираю слова и использую интонации, точно те же, что слышала от неё. И эта мамина история уже стала моей. Наши голоса сливаются в один, когда звучит рассказ о страшной первой блокадной зиме в Ленинграде. Города с таким именем уже нет на современной географической карте, но он... есть, он живет в памяти нашего народа.

Мама рассказывала историю, точнее, семейное предание. Ещё в детстве я выучила всё наизусть.

Как сейчас помню, дочка, как первый раз отправили меня одну за хлебом. На улице страшно. Там могут налететь немецкие самолеты, мессеры, и бомбить. Но надо идти. Мама болеет, она лежит на кровати у стены и сильно кашляет. Самодельная печка-буржуйка сожрала почти всю мебель в комнате, и всё равно не справляется со своей обязанностью. Всё время холодно. Мы спим одетыми. Это было в декабре 1941 года. Самая страшная зима Блокады.

То ли от внутреннего страха, то ли от неумения стала возиться с ключом у двери. Я её раньше никогда до этого сама не запирала снаружи. За мной выскочил Мальши, щенок. Он ещё осенью забежал к нам во двор, во время очередного авианалета, когда где-то совсем близко вдруг загрохотало, земля содрогнулась, и посыпалась штукатурка с фасада нашего дома. Я услышала жалобное поскуливание, вышла на улицу и увидела это крохотное создание, с такими большими испуганными глазами. Щенок остался у нас. Я уже была большая, мне шесть лет, а щенок маленький, поэтому – Мальши.

Вышла во двор, знакомый и родной. Но в тот день он показался мне страшным и чужим. Проходя через детскую площадку, всё время оглядывалась по сторонам, чтобы увидеть кого-нибудь знакомого, с кем можно пойти дальше. Но никого не было. Осторожно вышла на проспект, но и там – никого. В мирное время наш Кировский проспект казался мне широким и красивым. А сейчас я увидела несколько тропинок между сугробами, вот во что превратился наш прекрасный проспект. Пройдя два квартала, я оглянулась: Мальши плетётся за мной.

– Пожалуйста, милый, не отставай, – сказала я ему.

Когда я разговаривала с Мальшиом, мне было не так страшно. Щенок трогательно вильнул хвостом. Я даже немного осмелела. Хлебная лавка находилась за поворотом. Пройдя еще несколько шагов, я вдруг услышала визг за спиной. Обернувшись, увидела, как двое оборванцев схватили моего щенка и тащат в подворотню, а пёсик скулит и трепыхается. Меня охватил такой ужас, что я даже не смогла закричать. Только шагнула в страшную темноту нав-

сающего дома и увидела, как один из подростков бьёт Мальшиа камнем по голове. Из-за слёз, которыми наполнились глаза, я больше ничего не видела, но всё уже поняла.

Мама говорила, чтобы я не выпускала щенка из квартиры, объясняла, что на улице его могут поймать оголодавшие горожане. Но как это – съест мою собаку, я даже представить не могла. Это случилось так быстро и... ничего нельзя вернуть. Убийцы моего Мальшиа скрылись в подворотне. Слёзы душили меня, ведь я так любила свою собаку... кроме щенка и мамы у меня никого нет! Я уже хотела повернуться назад, и вдруг вспомнила. Мама! Она же лежит больная и не может встать с кровати. А я приду без хлеба?

Страх за маму погнал меня вперед, к магазину. На углу толпились люди. Большая тяжёлая дверь булочной была закрыта, а через окошечко работница выдавала небольшие свёртки. Я встала за бабушкой, который опирался на палочку. Понимала, что нужно отдать карточки и мне дадут хлеб. Так делала мама. Я зажала серые картонки в рукавике и так стояла, думая о Мальшии. Слёзы замёрзли на моих щеках, превращаясь в солёные льдинки.

Вдруг какая-то женщина, как порыв ветра, налетела на меня сзади, толкнула в снег и выхватила хлебные карточки, такие дорогие для меня – ценою в мамину жизнь. Я вцепилась женщине в ногу. Стоявший впереди дед с неожиданным проворством ухватил воровку за рукав и повалил на землю.

– Ах ты тварь! Это же ребёнок! – закричал он.

И тут уже вся очередь набросилась на грабительницу. Но карточки всё ещё оставались у неё. На всю жизнь запомнила обезумевшие глаза этой женщины. Она притянула руку ко рту и стала с остервенением и жутким рычанием жевать мои хлебные карточки. Я всё ещё лежала в снегу и смотрела на ту, которая решила выжить ценою жизни других. Она закашлялась, и клочок недожёванной и окровавленной бумажки оказался на снегу. Я смотрела на него и не понимала – что мне теперь делать?

Я не слышала свистков и не видела подбежавшего патруля. Все это я осознала уже позже, многократно вспоминая эту историю. Меня тряс за плечи военный:

– Как тебя зовут?

Голос долетал как будто издалека. Я не сразу ответила.

– Галя.

– Где ты живешь? – он держал меня за руку и осторожно вытирал слёзы с моего лица, но я молчала, видимо, я не могла говорить....

Опомнилась, уже сидя на мягком диване, в правой руке у меня ложка, которой я ем похлёбку, а в левой... о боже... плитка шоколада! Никак не решалась развернуть обёртку. Оказалось, что подобравший меня офицер, не добившись адреса, привёл, а точнее, как куклу, принёс меня к себе домой. Только поев и отогревшись, я рассказала, что мою маму зовут Людмила и мы живем на Кировском проспекте.

Сергей Леонидович, так звали моего спасителя, отвёл меня домой. Товарищ капитан – мой новый друг – вернулся на следующий день с доктором и продуктами. Это, наверное, всё, что у него тогда было. Оставленные еда и лекарства, а ещё любовь к жизни и дочери подняли маму на ноги. Меня так и не решились отправить на большую землю. Сергей Леонидович подерживал нашу семью. Он помог оформить новые хлебные карточки и с тех пор часто заходил к нам. Он служил в охране военного завода, сопровождал ремонтные бригады, отправлявшиеся на передовую для восстановления подбитых танков. А семья его: жена и дочь – погибла во время артобстрела. Вскоре после Победы мама и мой друг капитан поженились.

Всегда чувствовала, что за мамой стоит какая-то мистика. В детстве легко верится в волшебство. Еще до войны каждый вечер у двери мама делала какие-то пассы и что-то наигрывала, отгоняя от дома беду. Выразить это словами практически невозможно. Это чувствуешь кожей и видишь внутренним зрением памяти.

В наши сытые семидесятые, будучи уже школьницей, я просила:

– Мама, расскажи ещё о Блокаде.

– Я же ребёнком была, кроме той истории с хлебными карточками, мало что помню. Холодно и голодно было... но все понимали – война. Поговори с бабушкой – она больше помнит.

Бабушка не любила говорить о войне... но то, что она поведала мне незадолго до своей смерти, навсегда останется в моей памяти.

Назвали меня Людмилой благодаря русскому поэту. Нет, не Пушкину, а Жуковскому. Отец, подтрунивая, часто обращался ко мне: «Где ж, Людмила, твой герой? Где ж твоя, Людмила, радость?» И звали меня в семье Людмилой, и никаких уменьшительных вариантов не принималось. Так вся жизнь прошла под звездой баллад Василия Андреевича.

Глупые мы были, девчонки суеверные. В голодный 1924 год собрались мы погадать. Заправляли гаданием мои подруги – сестры Татьяна и Ольга. Ольге, как и мне, было уже 16, а сестра, кажется, на год нас старше.

18 января всегда считался самым правдивым днем святочных гаданий.

*Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали...*

Татьяна заставила нас снять с себя нательные крестики и пояса, развязать все узелки на одежде и распустить косы.

Мы были готовы на все, потому что нам так хотелось заглянуть в будущее.

Гадали по-всякому: на яйце, на свечке. Потом на стаканчиках. Ольга достала из буфета маленькие стаканчики, и в каждый мы положили соль, сахар, колечко, кусочек хлеба, монетку, спичку.

Таня стала объяснять:

– Соль – к слезам, значит, печалиться, плакать. Сахар – к сладкой жизни, удаче. Хлеб – хлебная, сытая жизнь будет. Денежка – к богатству, чего тут не понять. Кольцо – замужество, скоро замуж выйдешь. А спичка – к ребенку.

Мы с Олей захохотали.

– Тише вы! Спугнёте!

Перемешали стаканчики, тянули, смотрели – кому что досталось, охали, в общем, развлекались. А потом Татьяна предложила самое страшное гадание – на любовь. В памяти всплыли пушкинские строки:

*Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Её тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.*

На любовь гадать нужно, конечно, перед зеркалом, при свечах...

О выглядывании суженого в зеркале слышали все, некоторые даже это делали, но почему-то немногие рассказывают о том, что они увидели.

Дошла очередь и до меня. Девчонки расположились за моей спиной. Шепчутся, а мне смешно. Пытаюсь в зеркале что-то рассмотреть. Там темно, аж глаза заслезились. До сих пор помню, что меня поразила одна мысль: отражения линий в сочетании света и цвета могут производить помрачение сознания до онемения в руках и ногах.

*Помнишь, как у Жуковского:
Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...*

И вдруг вижу: из зеркала прямо на меня смотрит человек. Взгляд выразительный и добрый. А ещё усы. И одет странно. В зимней шапке с пятиконечной звездой. Форма какая-то, на вороте ромбики, значки непонятные. А потом словно ветер подул, и я без чувств упала. Девчонки мои перепугались, думали, я умерла. Это, наверное, обморок голодный был. Тогда все малокровием страдали. А после 25-го года всех нас судьба разбросала. Татьяну родители увезли в Москву и там выдали замуж за генерала. В Гражданскую генералами молодые становились. Ольгу, младшую сестру, сосватал агроном и увез в Вятку. Я поступила в медицинский и уже на втором курсе вышла замуж за студента-медика. Был он, Галин отец, совсем не похож на увиденного мной в зеркале усача.

Мой муж стал врачом. Помню его гладко выбритое белое лицо, пухлые губы, крупный с горбинкой нос. Обычно он сидел, согнув ногу треугольником, положив её на колено другой. Он поддерживал своё бедро прекрасными матовыми руками хирурга и, улыбаясь, смотрел на меня, слегка снисходительно, своими умными серыми глазами.

Жили и жизни не чувствовали. Учились, работали. А она, жизнь, текла сквозь нас, как вода в роднике, пока есть, её и не замечаешь.

Его арестовали ночью. Просто пришли, перерыли всю квартиру и забрали мужа. А потом назвали всё это делом врачей. Меня с дочкой сразу не тронули, хотя каждую ночь ждали, что за нами придут. У двери всегда стоял чемоданчик с необходимыми вещами, чтоб долго не собираться. Потом уже поняла: нас оставили в покое только благодаря моему отцу, он до войны работал в Совнаркоме по линии Коминтерна. Галинка тогда еще совсем малюткой была. А от нашей квартиры на Кировском нам сохранили только одну комнату...

Я и забыла свое видение. А в декабре 1941 года шестилетняя Галя привела в дом уса-того капитана с ромбиками в петличках и звездой на шапке. Сергей Леонидович спас нас во время Блокады. Вот как бывает, обезумевшая женщина, съевшая наши карточки, помогла мне найти моего суженого.

И тебя, моя внученька, назвали благодаря Жуковскому. И его слова – тебе охранная грамотка на всю жизнь.

*О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесётся
Мимо – Бедствия рука;
Как приятный ручейка*

*Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла!*

Созвучие разных поколений всплывает в одном едином чувстве удивления этой жизнью. Случай и предназначение – две стези человеческого существования. Так устроен этот странный мир: человек не знает, что ждёт его в будущем. Интригу составляет особое свойство – необратимость времени, то есть невозможность вернуться в прошлое и начать всё сначала.

Когда я иду по моему городу, который носит имя Святого Петра, то вижу в нём черты бабушкиного Петрограда и маминного блокадного и послевоенного Ленинграда. И бабушка, и мама навсегда остались в этом городе, меняющем имя, но сохраняющем характер. Петроград – Ленинград – Петербург – три голоса разных поколений сливаются в один. И в шуме ветра звучит блокадная баллада. Судьба человека мерцает далеким светом маяка в истории города и истории страны.

НЕКРОЛОГ

На поминках оказались люди разные и малознакомые. Пили, как положено, не чокаясь, но молчать было не вмоготу. Исполнять роль «тамады» взялся приехавший из Сыктывкара дальний родственник покойного:

– Вертит судьба человеческой жизнью. Сегодня ты на коне, а завтра в... стороне, – завершил в рифму говоривший. Он ловко опрокинул жидкость в рот, поморщился, но закусывать не стал. Только поднёс кусок хлеба с сардинкой к носу и шумно втянул ноздрями воздух.

– Семёныч у нас работал, я его поучительную историю на всю жизнь запомнил, – слово взял человек в куртке с нашивкой «Security». — Был он мужиком особенным.

Парню можно было дать лет тридцать из-за грузности и неопрятности.

– Да ты не повторяйся! Чего запомнил-то? – невежливо перебил нетрезвого оратора кто-то из собравшихся за столом.

– Помню, Семёныч мультики любил, а ещё кино старое, советское. Всё время фразочки вставлял. Он мне один раз говорит: *Я тебя поцелую, потом, если захочешь*. Я сразу и не понял, а потом спросил, что это было. Так, – говорит, – кино такое есть «Здравствуйте, я ваша тётя». Смешной он был, совсем несерьёзный, но службу хорошо знал.

Поминающие уже решили, что речь завершена, но магазинный секьюрити продолжил:

– Да, мы с Семёнычем, почитай, четыре года в одну смену в супер нашем маркете трудились. Ну, как трудились, охраняли его, значит. Я когда на работу сюда пришёл устраиваться, вижу, мужик с седыми висками на охране сидит. Ну, думаю, старый, суровый такой, и вообще неприступный на вид. А в прошлый четверг разговорились мы, ну, скучно всё время молчать.

И тут косноязычный оратор словно впал в ступор. Губа его отвисла, а в сознании открылся экран, на котором он увидел Семёныча живого и здорового. И тот снова, как в прошлый четверг, рассказывал свою печальную историю...

Я же раньше директором был, в собственной фирме. Не веришь? А я тебе расскажу!

Самые счастливые люди на земле те, которые могут вольно обращаться со временем, ничуть не опасаясь за последствия, – так думал культовый киногерой нашего времени. «Семнадцать мгновений» смотрел? Нет, ну и ладно.

Фирма моя стала преемницей завода ЖБИ. Делали мы изделия из бетона: разные панели, плиты, бордюрные камни... Я до перестройки технологом на этом же производстве работал, а в конце 80-х завод начал резко терять обороты из-за спада спроса в строительстве... Когда страна стала разваливаться, старый директор слёг с инфарктом, а меня назначили. Никто не знал, что дальше будет: каждый норовил урвать побольше здесь и сейчас. Проснулись в один день, а по телевизору говорят: «Нет больше Советского Союза». Как-то не верилось даже, ведь вся жизнь прошла в стране Советов. А в девяносто четвертом стали всё приватизировать. Умные люди подсказали у рабочих долю в предприятии за их же зарплату выкупить. Кто акции не отдавал, зарплату не получал, работал бесплатно, *то есть безвозмездно* – ну как говорила Сова из мультика про Винни-Пуха. Пай свой сдал – получил зарплату плюс премию. И всем хорошо! Так я и стал собственником, мажоритарным акционером. Слышал такое? Нет, ну и ладно.

Опыт и образование у меня были, так я стал директором и хозяином в одном лице. Заказчиков, конечно, меньше стало, но более требовательные. Теперь не за государственный счёт покупали, а всё больше для себя и за свои. Вот ты говоришь: «А что там требовать-то в бетонной плите?» – а это ключевой вопрос того времени: *В чем сила, брат?* Чтобы поверхность изделия гладкая была, необходимо качественно форму смазать и просушку провести как надо... что я тебе рассказывать буду, всё равно не поймёшь, это технология!

Да не сгорел мой завод, а погорел. Чувствуешь разницу? Нет, ну и ладно. Я себя тогда царём горы почувствовал. Не понимаешь? Попробую объяснить. Вроде, как самый умный. У меня всё – у других ничего. Как говорил один герой устами Олега Янковского: *Умное лицо, господи, – это ещё не признак ума!* Встал вопрос: закрывать весь завод или оставить один-два цеха для производства ходового товара. Но тогда бы пришлось почти сто человек оставить без работы. А каждого из них знаю, я ж с ними полжизни. Очень мне этого не хотелось. Знаешь, когда на тебя такими жалобными глазами смотрят и ничего не говорят, а ты всё понимаешь и отвернуться не можешь. Надо было выводить капитал за границу, а не в завод вкладывать. В другое время был воспитан... – будто в прошлое глядел. – Со всех сторон кредиторы, заказчики, поставщики обложили. Я себе так и сказал: *«Поздравляю тебя, Шарик, ты балбес!»* Не знаешь, какой шарик? Да не заморачивайся!

Короче, пришлось кредит взять и переоснащение всего производства провести. Зато заказчики довольны были, другим стали наши изделия рекомендовать, появились крупные госзаказы... будь они неладны.

Это тебе здорово, а мне тогда кранты пришли! Понимаешь? Нет? Ну и ладно!

Ты слушай дальше! Приезжают ко мне ребята на чёрных джипах и говорят: «А хотите, Пал Семёнович, войти в элиту поставщиков?» Понимаю, что мне делают *предложение, от которого невозможно отказаться*, как сказал бы главный киношный мафиози. Я раньше такие сцены только в американском кино и видел. Заходят мужики с золотыми цепями на груди. Они бы ещё жёлтые штаны надели. *А когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет и цели.* В те годы ориентировались на цвет пиджака и толщину цепочки на шее.

Завалились они ко мне в кабинет человек двенадцать и стали мне втирать про «элитный клуб», в котором распределяются эти самые госзаказы. Побазарили мы, и я понял, что отступать некуда. Ну как в том фильме: – *Чего ты хочешь: чтобы тебе оторвали голову или поехать на дачу?*

А дальше вот чего. Устроили они мне ещё одну встречу, с членами «клуба», там и московские шишки были, мы их по телевизору часто видим. Как сказал один американский киногерой: *Да, крысы обычно бегут с тонущего корабля, но в моём случае они теснятся на палубе.* Вот примерно так я себя и чувствовал.

Они рассаживаются, закидывают ногу за ногу, дорожные телефоны на стол кладут и объясняют: чтобы крупный госзаказ отхватить и хорошенько заработать, надо с ними дружить.

В общем, вскоре я узнаю, что победил в тендере на поставку столбов для освещения на федеральной дороге в нашей области. Вот счастье-то! Я всерьёз ликовал: кончились трудности! Остатки кредита отдам, вибростол импортный куплю, рабочим – премию к Новому году!

Прислали мне документацию по тендеру, а там в договоре никаких штрафных санкций. Ну не бывает так! Если я вовремя деньги за свою работу не получу, как с поставщиками рассчитываться? Чем зарплату выдавать? Звоню Михаилу Тимофеевичу, его мне контактным лицом представили и подставили, а он говорит: «Ты что, ты же член клуба, ну какие штрафы!»

В общем, сырьё предложили закупать «у своих». Ладно, какая мне разница? *Жить, как говорится, хорошо! А хорошо жить – ещё лучше!* Эту формулу весь советский народ стопроцентно усвоил.

Выписываю счета у кого надо на арматуру, на бетон, начинаю столбы отливать. Всё сделал в срок. Качество – не придерёшься! Лично каждое изделие проверял перед отгрузкой.

А потом мне стали звонить кредиторы. Как в том фильме: – *Родственник, слышишь, родственник, ты мне рупь должен.*

Вот тогда я и задумался о смысле жизни. У меня есть завод, где почти двести рабочих. Я царь и бог. Но почему-то нет в моей жизни счастья. Стоило мне столько горбатиться, крутиться, выкручиваться, чтобы понять простую истину: не приносят эти чёртовы бабки сча-

стья, даже удовлетворения не наступает. От них одна забота, как преумножить и сохранить. А от этого человек становится несчастен. Родственники и друзья от меня отделились. Да некогда мне было в гости ходить да гостей принимать. Я жил в страхе всё потерять. От каждой тени шарахался. И в конце концов потерял.

А чего говорить? Не заплатили мне за эти столбы... Сказали – нет денег в бюджете, и не жди... И остались *мы чужие на этом празднике жизни*.

Я, конечно, не смирился, хотел биться. Всех их разнести на щепки! Бросился к друзьям посоветоваться. Вот только, увлѣвшись бизнесом, настоящих друзей порастерял. Никто вписываться за меня не стал. А мне один очень осторожный товарищ припомнил мой любимый фильм «Золотой телѣнок»: *Удивительный Вы человек – все у Вас хорошо! С таким счастьем – и на свободе!*

Им, оказывается, того и надо было, чтобы мой заводик обанкротить. Разыграли как по нотам. А перестал я быть директором и будто освободился от всего. Так легко стало! Дети за это время выросли, разъехались, жена ушла к другому. А я стал охранником. В общем, хлебаю счастье полной ложкой.

И после этих слов Семѣныч как-то нехорошо поморщился, словно боль через него прошла. Весь напрягся и покраснел от переживаемого заново давно прошедшего события.

Экран в голове зависшего над столом мужчины в форменной куртке зарябил и сам собой закрылся. Подняв стопку с водкой к лицу, он с горечью посмотрел на неё, но не выпил. В шуме разгорячѣнной разговорами компании уже трудно было понять слова человека, последним видевшего и слышавшего усопшего:

– Сказал Семѣныч о счастье, голову так опустил и словно уснул, – бормотал опьяневший от спиртного и невыразимого словами горя человек, – Ну, я тревожить не хотел. Я ж не знал, что ему плохо стало. А когда скорая приехала, уже всё.

Голос рассказчика покачнулся. Грузный и неопрятный охранник хотел ещё что-то сказать, но сел на стул и зарыдал.

– Да, ты уже готов, брат! *Капусточка, конечно, дело хорошее, но в доме надо держать и мясные закуски*.

Слово снова взял дальний родственник, приехавший из трудновыговариваемого после продолжительных поминок Сыктывкара:

– Жизнь наша словно песок промеж пальцев. Помянем Семѣныча – эээ... был человек!

СОАВТОР

Как непонятен мир людей, не имеющих цели в жизни. Сколько их? Мужчин, возвращающихся домой после нелюбимой работы и плюхающихся на диван перед ящиком развлекательных программ и разжижения мозгов. Женщин, измученных заботами по хозяйству и укоряющих себя в том, что жизнь прошла мимо...

– Антонина, ты это... денег можешь дать в долг? – Василий стоял на пороге её однушки с потерянным видом.

– На выпивку?! Не дам, – твердо ответила Тоня.

– Что ты сразу! Что ты, как... стерва!

Сосед выглядел озверевшим, не таким, как всегда. Сегодня он не был тихим и индифферентным алкашом.

– Случилось чего? – спросила Антонина.

– Таньку мою... парализовало, на лекарства деньги надо, – захлебнулся слезами Василий, – как жить-то теперь будем?

А на заседании кафедры всё как всегда. Заведующая пересказывает новости о реорганизации, модернизации и введении инноваций. И как следствие закрывают ещё одну лабораторию. За малопонятными словами скрываются неприятные действия с самыми отвратительными последствиями. То, что создавалось большим трудом и было результатом усилий многих людей, служило предметом гордости, уничтожалось одним росчерком пера. Нет, конечно, не одним, заседали, совещались, решили, постановили. Подписей на документе о закрытии, читай – уничтожении – лаборатории было много. Но это значило лишь одно – персональной ответственности за это никто не нёс. Решение-то коллегиальное и, как объясняла заведующая, вынужденное. У института нет средств. А нет денег – и лаборатории нет.

Члены кафедры возмущались, кто-то кричал, кто-то молча сидел, обхватив голову руками, понимая, что ничего не изменишь... Отменить принятое и утверждённое руководством решение было не проще, чем повернуть реку вспять.

Антонина работала старшим научным сотрудником в НИИ уже двадцать лет. Имела кандидатскую степень. Печатала научные статьи в российских и зарубежных изданиях. Но кому это было интересно? Любимый НИИ разваливался на глазах, теряя в месяц по кусочку. Уходить ей было некуда – вся жизнь была отдана науке. И вот настали времена, когда науке приходилось выживать.

Чтобы как-то отрешиться от жизненной безнадёги, Тоня однажды собрала свои старые записные книжки, стала перечитывать. Потом кое-что захотелось сохранить, вбить в компьютер. Старенький ноутбук всё вытерпел, помог собрать, систематизировать, перестроить и объединить... Получился вполне небезынтересный текст. Слово «небезынтересный» вертелось в Тониной голове и распадалось на части: с одной стороны, двойное отрицание – НЕ и БЕЗ, а с другой – ИНТЕРЕС – это ключевая эмоция, которая побуждает человека к действию.

Антонина сама не понимала, как она решилась отправить свой текст в литературный журнал, который выписывала ещё с юности. Мама любила читать и передала свою страсть дочери. Вечерами они нередко обсуждали прочитанное. А потом мамы не стало, и интерес к художественной литературе стал затухать. В последние годы почти не читала, но всё равно выписывала этот журнал по инерции.

Однажды, когда Тоня как всегда одна сидела на кухне, раздался звонок телефона.

– Антонина Алексеевна? Это редактор журнала «Невская лира». Вы нам присылали рассказ.

Чашка с чаем предательски задрожала в руке.

– Да, слушаю.

– У меня к Вам вопрос: Вы *сами* это писали? Извините, конечно, но всякое бывает...

Так в жизни Антонины случилось маленькое чудо – рассказ напечатали, а вскоре появилась благожелательная рецензия. Стали поступать предложения публиковаться. Бывший научный сотрудник теперь вечерами корпел над новыми идеями, новыми текстами. Научные труды были заброшены, на полке появились книги «Как стать писателем» и «Грамматика фантазии».

Помогали записные книжки и дневник, которые Антонина вела всю жизнь, записывая свои впечатления от увиденного, прочитанного и пережитого. Незаметно для самой себя, Тоня из никому не нужного кандидата технических наук стала востребованным писателем.

Спустя год после первой публикации в один из мрачных, дождливых осенних вечеров к Тоне за какой-то приправой заглянула соседка Татьяна. Была она одного возраста с хозяйкой дома. Они часто виделись то в лифте, то во дворе, то в магазине... Татьяна Петровна была шире в талии, пара лишних подбородков её не красила. Пришла в заношенном халате, замученная, с давно не мытой головой. И пришла она не за чёрным перцем...

– Тоня, не говори мне ничего, нужен твой совет! – выпалила Таня на одном дыхании, врываясь в квартиру, как смерч. Как можно дать совет и при этом молчать? Фраза так озадачила Антонину, что она ничего не ответила быстро оккупирующей помещение соседке.

Но всё, что той было нужно, – это свободные уши. Складывалось впечатление, что соседка уже много раз репетировала свою речь, подбирала слова, ломала и вновь собирала синтаксические конструкции, нарочно добавляя в рассказ о своей пресной жизни средства выразительности.

– Понимаешь, у меня неприятности, – продолжала незваная гостья, – мама болеет, муж пьёт, сын сидит без работы. Ты меня извини, я покурю. Потом проветрим.

И вот уже Тоня сидит перед открытым окном на кухне и старается пореже вдыхать сигаретный дым, выдыхаемый собеседницей. Дым возвращается с каждым дуновением ветра, а совсем не выветривается, как хотелось бы Антонине...

Перед кем могла обиженная жизнью женщина произносить свой заученный монолог? Тоня была единственным зрителем этого спектакля одного актера.

В Америке очень популярен личный психоаналитик, терапевт души, свидетель интимных переживаний, вынужденно скрываемых ото всех. Такой человек по долгу службы проявляет сострадание, выслушивает согласно оплаченным часам, искренне и профессионально выражает сочувствие, хранит тайну исповеди или душевного стриптиза – у кого как получается. В России персональный психоаналитик – это даже не роскошь, это блажь.

Тут нужен человек, умеющий слушать и не умеющий отказать в сочувствии, не способный отвернуться от страдающего собеседника. В общем, в России – это не профессия, а особый склад характера. И по законам равновесия этого мира такие люди находятся и становятся носителями бесполезной информации о жизни тех, кто использует их в качестве «жилетки», в которую можно поплакаться.

В этот вечер Татьяну, что называется, «прорвало»:

– Знаешь, я молодая была, глупая. Мечтала быстрее замуж выйти, сына родить, ну, жить по-человечески, – рассказывала она, поднимая на Тоню влажные выпученные глаза, – а вот замуж вышла, сына родила, и жизнь будто кончилась. Исполнилось всё, о чём мечталось, а дальше пустота. Вроде, живу, а зачем – не знаю. Сыну уже не нужна, другую кухарку и прачку себе нашёл. А муж, сама знаешь, – соседка махнула рукой, – а ведь замуж выходила, в довольстве таком жила, через розовые занавесочки на жизнь смотрела...

– У меня же любовник был, Тоня... Я красивая была, не то что сейчас! – соседка затушила сигарету и отодвинула остывший чай.

– Да ты и сейчас...

– Он меня с ребёнком забрать хотел, – перебила Татьяна, – в другой город уговаривал уехать.

– А ты что?

– А я дура была, всё надеялась на что-то... потом узнала, что он бизнесменом стал и в Америку подался. А ведь какой роман был! – Таня закатила заплаканные глаза к потолку, – сейчас расскажу, зашатаешься...

Через какое-то время уши хозяйки квартиры, словно переполненные сосуды, больше не воспринимали речевой поток, извергавшийся в них.

Когда соседка остановилась, чтобы перевести дух (а может, кончился подготовленный текст и надо было переходить на импровизацию), Антонина воспользовалась паузой:

– Послушай, голубушка, у тебя очень интересная история, хочешь, я её... напишу?

– Куда напишешь? – опешила та.

– Понимаешь, у меня есть... как бы тебе сказать... хобби. Я пишу рассказы. Хочешь стать героиней?

– Да ну, что ты! – испугалась Таня. А если кто прочитает? Муж или сын... ты это брось, и так в последнее время *нервы – ни к чёрту*.

– А мы имена изменим, никто и не догадается, а ты станешь соавтором – вон какой сюжет мне тут натараторила... обижаешься на весь мир, «жизнь заканчивается»... я тоже думала, что конец света настал, когда лабораторию закрыли и с работы ушли, а вот нашла другую радость – скоро книга моих рассказов выйдет!

Не уговорила Антонина свою страдалицу – та вскочила, как чумная, поставила чашку в раковину и замахала руками – всё, всё, домой мне пора. Извини, что засиделась... вон, времени уже сколько. Что? Какой перец? Ах, да... давай... побегу. Пока.

Имена Таня и Тоня, конечно, разные и тем не менее созвучны. Ничего общего в происхождении, но в написании отличаются всего одной буквой. А вот полные имена совсем различны: Антонина и Татьяна. По общему убеждению, в имени «Антонина» звучат жизнерадостность и добродушие. В переводе с латинского первое означает: «пространная», «приобретение», «сравнение» и «противница». С греческого имя можно перевести как «приобретающая взамен». Отдавая, такой человек неизменно получает что-либо взамен.

Слово «Татьяна» древнегреческого происхождения и первоначально, до того, как войти в именник, значило «устроительница», «учредительница». Татьяны, с одной стороны, улыбки и непоседливы, а с другой – упрямы и властны, знают, чего хотят, и не любят возражений, всегда стараются настоять на своем.

Сближаются имена в уменьшительных формах Тонюшка и Танюшка. Их можно произнести и с ударением на первый слог, и с ударением на второй. Второе произношение делает практически неразличимыми на слух.

Разными, но в чем-то схожими, как и два женских имени, были две соседки: добродушная, открытая и отзывчивая на чужую беду Антонина и упрямая, напористая Татьяна, привыкшая управлять своими мужем и сыном.

После того трудного разговора, утром Тоня обнаружила листок, исписанный своим круглым ровным почерком. Уже засыпая, вчера она записала мысли, сложившиеся в рифмованный столбик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.